ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО. МЕДИАСРЕДА
INFORMATION SPACE. MEDIA ENVIRONMENT

Научная статья
УДК 351:004(63)
EDN VXOMZN
DOI 10.17150/2308-6203.2025.14(3).504-523

Цифровое неравенство в Эфиопии: актуальное состояние, тенденции и перспективы развития

Гладкова А.А., **Захарова М.В.**, **Киселева Е.Б.**
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация

Автор, ответственный за переписку: Гладкова А.А., gladkova_a@list.ru

Аннотация. В статье исследуются основные особенности цифрового неравенства в Эфиопии и предпринимается попытка выявить специфику цифрового раскола в стране. В качестве теоретической рамки исследования была использована теория трех уровней цифрового неравенства: уровень доступа к интернету и ИКТ, уровень цифровых навыков и уровень преимуществ от использования цифровых технологий. Используя открытые статистические данные, материалы отчетов и докладов международных организаций, профильных государственных ведомств и аналитических центров, авторы анализируют каждый из уровней цифрового неравенства при помощи ряда индикаторов. Полученные авторами данные указывают на то, что на современном этапе цифровой раскол остается актуальной проблемой в Эфиопии. Бедность и низкая грамотность населения, слаборазвитая инфраструктура ИКТ, веерные отключения электричества, дорогой и малодоступный интернет приводят к тому, что цифровизация в стране охватывает очень небольшие группы населения. Был сделан вывод о том, что все государственные и частные инициативы в области цифровизации на данном этапе имеют ограниченный эффект и в определенном смысле могут только усугублять разрывы в обществе — как цифрового, так и социального характера. Преимуществами данных инициатив могут воспользоваться немногие граждане, особенно с учетом актуального уровня грамотности, цифровой грамотности, проникновения интернета, уровня урбанизации в стране и других факторов. Можно предположить, что в долгосрочной перспективе повышение уровня цифровой грамотности населения Эфиопии, особенно с учетом большой доли молодежи в его структуре, может стать важной движущей силой развития страны.

Ключевые слова. Цифровое неравенство, три уровня цифрового неравенства, Интернет, Африка, Эфиопия.

Информация о статье. Дата поступления 11 июня 2025 г.; дата поступления после доработки 4 июля 2025 г.; дата принятия к печати 11 июля 2025 г.; дата онлайн-размещения 17 сентября 2025 г.

Для цитирования. Гладкова А.А. Цифровое неравенство в Эфиопии: актуальное состояние, тенденции и перспективы развития / А.А. Гладкова, М.В. Захарова, Е.Б. Киселева. — DOI 10.17150/2308-6203.2025.14(3).504-523. — EDN VXOMZN // Вопросы теории и практики журналистики. — 2025. — Т. 14, № 3. — С. 504–523.

© Гладкова А.А., Захарова М.В., Киселева Е.Б., 2025

Original article

Digital Divide in Ethiopia: Current State, Trends and Perspectives for Development

A.A. Gladkova✉, **M.V. Zakharova**, **E.B. Kiseleva**
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Corresponding author: A.A. Gladkova, gladkova_a@list.ru

Abstract. The article explores the main features of the digital divide in Ethiopia and attempts to identify the specifics of the three levels of the digital divide in the country. The theoretical framework of the study was the use of the theory of three levels of digital inequality: level of access to the Internet and ICT, level of digital skills and level of benefits from using digital technologies. Using open statistics, reports and government departments, the authors analyze each of the levels of digital inequality with a number of indicators. The paper shows that the digital divide remains a serious problem in Ethiopia today. Poverty and low literacy, underdeveloped ICT infrastructure, fan blackouts, expensive and inaccessible internet lead to the fact that digitalization in the country reaches very small groups of the population. It was concluded that all public and private digitalization initiatives at this stage have limited effect and can only exacerbate the gaps in society — both digital and social ones. Few citizens can benefit from these initiatives, especially given the current level of literacy, digital literacy, internet penetration, level of urbanization in the country and other factors. It can be assumed that in the long run, improving the digital literacy of Ethiopia's population, especially given the large proportion of young people in the population, could be an important driver of the country's development.

Keywords. Digital divide, three levels of the digital divide, internet, Africa, Ethiopia.

Article info. Received June 11, 2025; revised July 04, 2025; accepted July 11, 2025; available online September 17, 2025.

For Citation. Gladkova A.A., Zakharova M.V., Kiseleva E.B. Digital Divide in Ethiopia: Current State, Trends and Perspectives for Development. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2025, vol. 14, no. 3, pp. 504–523. (In Russian). EDN: VXOMZN. DOI: 10.17150/2308-6203.2025.14(3).504-523.

Введение

Интерес к Африке со стороны мирового сообщества в последние десятилетия неуклонно растет. Несмотря на сохраняющиеся вызовы в области цифровизации, свойственные данному региону, а также на проблемы, связанные с низким уровнем образования значительной доли населения африканских стран, безработицей, политической нестабильностью, социальным неравенством, климатическими изменениями и другими факторами, африканский континент сегодня рассматривается как перспективный регион с большим ресурсным, демографическим, экономическим и геополитическим потенциалом. В рамках саммитов Россия — Африка в 2019 и 2023 гг., Первой министерской конференции Форума партнерства Россия — Африка в 2024 г., саммитов стран БРИКС и других значимых международных мероприятий экспертами отмечалось, что Африка сегодня становится одним из сильных центров многополярного мира, а также неотъемлемой составляющей

многополярной системы будущего[1]. Укрепление присутствия стран Африки в международных организациях — Организации Объединенных Наций (ООН), Организации исламского сотрудничества (ОИС), Организация стран — экспортеров нефти (ОПЕК), БРИКС и «Группе двадцати» (G20) — также указывает на рост геополитического влияния африканского региона в мировом контексте.

Интерес к Африке со стороны научного сообщества, в том числе в области медиаисследований, коммуникации и журналистики, в этой связи также усиливается. Актуальные работы, посвященные изучению особенностей цифровой коммуникации в странах африканского региона [1–3] отмечают важность преодоления неравенства в доступе к цифровым технологиям для реализации целей устойчивого развития стран Африки и Глобального Юга в целом. Приоритетная задача преодоления цифрового неравенства была обозначена также в принятой Африканским союзом Стратегии цифровой трансформации для Африки (2020–2030) и в Повестке дня 2063: Африка.

Добавим, что, согласно Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г., «Российская Федерация намерена способствовать дальнейшему становлению Африки в качестве самобытного и влиятельного центра мирового развития»[2], уделяя особое внимание в частности «оказанию содействия и развитию связей в гуманитарной сфере, включая научное сотрудничество, подготовку национальных кадров, укрепление систем здравоохранения, предоставление иной помощи, продвижение межкультурного диалога, защиту традиционных духовно-нравственных ценностей, права на свободу вероисповедания»[3].

Выбор страны для анализа обусловлен тем, что по данным Международного валютного фонда (МВФ) Эфиопия входит в число пяти крупнейших африканских экономик (см. табл. 1); не менее важно и то, что она с 2024 г. является членом расширенного состава стран БРИКС. Сотрудничество Российской Федерации с Эфиопией в последние десять лет активно усилилось, торговый оборот двух стран в 2024 г. вырос

[1] Африканский полюс многополярного мира // Россия в глобальной политике. URL: https://globalaffairs.ru/articles/afrikanskij-polyus-drobinin/ (дата обращения: 05.06.2025).

[2] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения: 05.06.2025).

[3] Там же.

Таблица 1 / Table 1

Пять крупнейших экономик Африки в 2024 г. (по данным МВФ)*

Africa's Five Largest Economies in 2024 (IMF)

Страна / Country	ВВП (млрд долл.) / GDP ($ billion)
ЮАР / South Africa	373
Египет / Egypt	347
Алжир / Algeria	266
Нигерия / Nigeria	252
Эфиопия / Ethiopia	205

* Составлена на основе: Agbetiloye, Adekunle. 10 largest economies in Africa in 2024 — IMF // Business Insider Africa. 2024. April 22. URL: https://africa.businessinsider.com/local/markets/10-largest-economies-in-africa-in-2024-imf/3t0f1j1 (дата обращения: 05.06.2025).

более чем в четыре раза[4]. Развиваются совместные проекты в разных сферах (энергетике, сельском хозяйстве, фармацевтике), в том числе информационной. Например, в феврале 2025 г. в столице Эфиопии Аддис-Абебе был открыт редакционный центр *Sputnik*, который должен стать важным информационным хабом региона[5].

Современная Эфиопия (Федеративная Демократическая Республика Эфиопия) — федеративное государство с парламентской формой правления. Административно-территориальное устройство отличается сложной структурой организации (11 штатов (объединение по этническому признаку) и два города с особым статусом — Аддис-Абеба и Дыре-Дауа). В столице Аддис-Абеба проживает 3 млн 495 тыс. чел. Рабочий язык федерального правительства (ст. 5 Конституции 1994 г.) — амхарский, неофициальным рабочим языком во многих сферах деятельности является английский. Это вторая по численности населения после Нигерии в Африке страна, 12-я — в мире. В 2024 г. здесь проживало 129,8 млн чел., средний возраст — около 20 лет[6].

В государстве проживает 26 этнических групп, представители которых говорят на 84 языках. Урбанизация идет медленно, в городах живет менее 20 % жителей (около 25 млн)[7]. В сельском хозяйстве продолжает работать почти 70 % населения, но в структуре ВВП оно продолжает постепенно уступать сфере услуг[8]. Уровень грамотности все еще невысокий, в 2017 г. 48 % населения Эфиопии в возрасте 15–60 лет не умели читать и писать[9]. Согласно данным ПРООН[10] за 2019 г., средняя продолжительность обучения составляет 2,9 лет (в то время как в других странах, входящих в число крупнейших экономик континента, — не менее 6,7 лет). В 2010–2019 гг. Эфиопия переживала экономический бум (рост на 8–12 % в год), что позволило значительно улучшить социально-экономическую ситуацию и войти в топ-5 экономик Африканского союза. Однако Эфиопия продолжает оставаться одной из беднейших стран мира. Многомерная бедность затрагивает 68,7 % населения страны, при этом монетарная бедность составляет 27 %[11].

---

[4] Матвиенко рассказала об интересе российского бизнеса к проектам в Эфиопии // РИА НОВОСТИ. URL: https://ria.ru/20250219/matvienko-2000182931.html?in=t (дата обращения: 05.06.2025).

[5] В Эфиопии открылся редакционный центр Sputnik // РИА НОВОСТИ. URL: https://ria.ru/20250219/sputnik-2000370293.html (дата обращения: 05.06.2025).

[6] World Population Dashboard. Ethiopia — Overview // United Nations Population Fund. URL: https://www.unfpa.org/data/world-population/ET (дата обращения: 05.06.2025).

[7] Ethiopian Statistical Service (ESS). https://www.statsethiopia.gov.et/wp-content/uploads/2023/08/Population-Size-of-Towns-by-Sex-as-of-July-2023.pdf

[8] Эфиопия. Хозяйство. Общая характеристика хозяйства // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/c/efiopiia-khoziaistvo-obshchaia-kharakteristika-khoziaistva-f83dd6 (дата обращения: 05.06.2025).

[9] На данный момент доступны данные статистики за 2017 г.: Literacy rate, adult total (% of people ages 15 and above) — Ethiopia // World Bank Group. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SE.ADT.LITR.ZS?locations=ET (дата обращения: 05.06.2025).

[10] Данные представлены за 2019 г.: Исследование ООН: Электронное правительство 2022. Будущее цифрового правительства // Организация Объединенных наций. Нью-Йорк: 2022. С. 277. URL: https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2023-01/UN%20E-Government%20Survey%202022%20-%20Russian%20Web%20Version.pdf (дата обращения: 05.06.2025).

[11] Отметим, что при расчете MPI в 2023 году для Эфиопии использовались последние данные в открытом доступе (publicly available) за 2019 год. Для сравнения: значение MPI для Руанды составляет 0,231, при этом многомерная бедность затрагивает 48,8% населения, а монетарная — 52%. См.: UNDP (United Nations Development Programme). 2023. 2023 Global Multidimensional Poverty Index (MPI): Unstacking global poverty: Data for high impact action. New York. P.20. URL: https://hdr.undp.org/content/2023-global-multidimensional-poverty-index-mpi (дата обращения: 05.06.2025).

Как уже было отмечено, в последние несколько лет наблюдается заметный рост интереса как отечественных, так и зарубежных исследователей медиа и массовых коммуникаций к различным аспектам функционирования медиасреды африканских стран и Глобального Юга [4], появляются и актуальные труды, связанные с общими вопросами влияния цифровизации на различные сферы деятельности в Африке, в том числе с учетом полиэтнического характера стран африканского континента [5–6]. В этих работах, однако, незаслуженно мало внимания уделяется проблемам цифрового раскола в регионе в целом [7] и в Эфиопии в частности. Для ликвидации данного теоретического пробела на первом этапе исследования, результаты которого представлены в настоящей работе, авторы обратились к изучению современных особенностей цифрового разрыва в Эфиопии.

Теоретическая основа исследования

Проблема цифрового неравенства находится в центре внимания исследователей уже более двух десятилетий и продолжает оставаться актуальной. Изначальный подход к анализу глобального цифрового раскола (*Global digital divide*), зародившийся в 2000-х гг. [8–9], основывался на идее разрыва между информационно богатыми и бедными странами, включенными в процесс технологического развития или исключенными из него из-за неравномерного доступа к цифровым технологиям, а также из-за неоднородного развития медиакоммуникационной инфраструктуры [10]. На этом этапе цифровое неравенство воспринималось преимущественно как проблема географического характера, а основное внимание уделялось различиям в доступе к интернету и цифровым технологиям между странами и регионами мира: между странами Глобального Севера и Глобального Юга [11], между развитыми и развивающимися странами [12], а также между отдельными регионами с учетом социокультурных, экономических и геополитических факторов [13]. Исследования, проведенные в рамках этого подхода, продемонстрировали, что различия в уровне экономического развития стран и регионов мира, особенности геополитического и социокультурного характера, специфика государственного регулирования и медиаполитики, языковое и этническое разнообразие и другие факторы могут влиять как на уровень доступа граждан к информационно-коммуникационным технологиям, так и на особенности их использования в этих странах — как населением в целом [12; 14; 15], так и малыми этническими группами [16; 17].

На современном этапе большинство исследователей сходятся во мнении, что рассматривать цифровое неравенство исключительно как проблему технологического характера не совсем корректно [18]. Исследователи все чаще подчеркивают: даже при равном доступе к технологиям эффективность и результативность их использования, а также «социальные преимущества, которые пользователи получают благодаря применению технологий и интернет-доступа» [19], могут существенно различаться. Под социальными преимуществами, которые некоторые исследователи также определяют как «видимые результаты» использования технологий [20], понимаются профессиональная успешность, более высокий социальный статус, новые возможности для самореализации, активного участия в общественной жизни, выражения гражданской позиции и т.д.

За основу исследования цифрового неравенства в Эфиопии в рамках данной статьи была взята разработанная ранее классификация трех уровней цифрового неравенства [21]. Согласно данной классификации, цифровой раскол может проявляться на трех основных уровнях: уровне доступа

к интернету и ИКТ; уровне цифровых компетенций пользователей и их цифровой грамотности; уровне социальных преимуществ, которые пользователи получают благодаря грамотному и полноценному использованию цифровых технологий в профессиональной и личной жизни.

Руководствуясь комплексным подходом к пониманию цифрового неравенства как сложной многоуровневой проблемы технологического и социального характера [18], был предложен ряд индикаторов, используемых для анализа цифрового разрыва в масштабе конкретного региона [21] или в масштабах страны. Использование подобного подхода позволит не только сделать выводы о наличии/отсутствии, а также о специфике цифрового неравенства в конкретном регионе, но и углубить понимание цифрового раскола применительно к полиэтническому составу региона, в частности выявить уровень доступа различных этнических групп к интернету и ИКТ, уровень их цифровых компетенций и т.д.

Исследование продемонстрировало, что набор показателей варьируется в зависимости от анализируемого уровня цифрового неравенства. При изучении *первого уровня* основу анализа составляют количественные метрики: объем интернет-аудитории (ежедневной, еженедельной, ежемесячной — в соответствии с целями исследования), число пользователей широкополосного и мобильного интернета, уровень его распространения, скорость подключения и тарифы. *Второй уровень* акцентирует внимание на цифровых компетенциях: уровне технологической грамотности, включая навыки быстрого поиска информации, эффективного использования онлайн-инструментов в профессиональной и личной деятельности. *Третий уровень* сосредоточен на социальных выгодах, которые пользователи извлекают из применения технологий. Здесь анализируются не только удобство цифровых сервисов, экономящих время и ресурсы, но и более широкие аспекты: профессиональные достижения, рост социального статуса, возможности для самореализации, гражданской активности и участия в общественной жизни.

Добавим, что сегодня в научной среде все чаще звучит мысль о необходимости разграничения новых уровней цифрового неравенства, в том числе возможного четвертого уровня, связанного с алгоритмическими неравенствами в современной цифровой среде: понимание того, как работают алгоритмы, и какое влияние они могут оказывать на выбор пользователей [22–23], что также указывает на динамичную природу явления цифрового раскола.

Методология исследования

В процессе изучения современных особенностей цифрового раскола в странах Африки на примере Эфиопии и выявления ключевых тенденций цифровизации в этой стране на основе теории трех уровней цифрового неравенства авторы обращались к программам развития ООН (*UN Sustainable Development Goals 2030*) и Африканского союза (*Digital Transformation Strategy for Africa (2020-30)*), системам индексов и докладов по изучаемой проблематике международных организаций (ООН, ЮНЕСКО, МОТ, ВТО, МСЭ, МВФ, ОЭСР). В ходе работы были изучены статистические данные по регионам мира, которые публикуют Всемирный союз электросвязи и Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (соответственно, *ITU DataHub* и *Africa's Development Dynamics — Statistical Annex*), исследования ООН по электронному правительству, реализуемые каждые два года с 2001 г., и ряд других, позволивших в определенной степени оценить динамику развития интересующих нас вопросов. В ходе работы были также исследованы планы развития Эфиопии (*Homegrown Economic Reform Agenda 2019*, *Ten Year Development Plan: A Pathway to Prosper-*

ity 2021-2030, *Digital Ethiopia 2025 Strategy*, *Digital Skills Country Action Plan 2020-2030*, *National E-Government Strategy and Enterprise Architecture for 2024-2029*), отчеты и доклады профильных министерств и ведомств Эфиопии (*Ministry of Innovation & Technology, Digital Transformation Program Office*, *Ministry of Education, Ethiopian Statistical Service*), отчеты аналитических центров (*Research ICT Africa*, *We Are Social*).

В национальных планах развития Эфиопии заявлены достаточно амбициозные цели, осуществление которых будет способствовать широкому использованию цифровых технологий как драйвера социоэкономического развития. До конца 2025 г. планируется расширить использование мобильной связи и интернета с 37,2 % и 18,6 % до 100 %, увеличить охват электронных сервисов и услуг с 2 % до 85 %, обеспечить уровень цифровой грамотности выше 70 % и др. Ожидается, что план цифровой трансформации окажет значительное влияние на различные сектора, включая образование, здравоохранение, сельское хозяйство. Стратегии электронного правительства и электронной коммерции (*e-Commerce strategies outlined for 2025-2030*) сосредоточены на улучшении цифровой инфраструктуры, поощрении цифровой грамотности и поощрении инноваций[12]. В реализации этих программ активное участие принимают государство и частные инвесторы, привлекаются зарубежные партнеры. Серьезную поддержку этим инициативам оказывают международные организации и региональные объединения[13].

Основным методом работы являлся метод вторичного анализа данных, опубликованных в открытом доступе в сети интернет. За основу исследования, как уже было указано, был взят ряд индикаторов, чаще всего используемых для анализа трех уровней цифрового раскола [21]. В фокусе внимания были в первую очередь данные по доступу к интернету и ИКТ (первый уровень цифрового неравенства), цифровой грамотности и цифровой включенности пользователей (второй уровень), преимуществам от использования интернета и ИКТ (третий уровень) на примере доступности и востребованности государственных электронных услуг.

Отдельно отметим, что, предпринимая попытку дать общую характеристику цифрового неравенства в Эфиопии, мы имеем дело с фрагментарностью и ограниченностью данных для анализа — как в отчетах профильных структур международных организаций и аналитических центров, так и на национальном уровне. Преимущественно мы стремились использовать для анализа данные за 2022–2024 гг., однако, так как это не всегда было возможно, была использована статистика и за другие периоды (в этом случае этот факт отмечался отдельно). Подавляющее большинство документов доступно исключительно на английском языке.

Цифровое неравенство первого уровня в Эфиопии: доступ к интернету и ИКТ

При анализе первого уровня цифрового раскола учитываются такие параметры, как уровень доступа к интернету, ИКТ и медиакоммуникационной инфраструктуре у жителей страны, стоимость доступа в интернет, тип и количество устройств для доступа в интернет и др. Однако с учетом африканских реалий нам представляется целесообразным не только рассматривать

[12] Ethiopia's Digital Transformation Journey: Unveiling 2025-2030 E-Gov and E-Commerce Strategies // Horn Review. 2025. January 25. URL: https://hornreview.org/2025/01/28/ethiopias-digital-transformation-journey-unveiling-2025-2030-e-gov-and-e-commerce-strategies/ (дата обращения: 05.06.2025).

[13] Например, ЕС поддерживает подготовку стратегии электронного правительства в рамках своей программы помощи в размере 10 миллионов евро. Программа поддерживает реформы органов контроля / управления органов власти, создание систем электронного управления. Все это призвано создать более благоприятные условия инвестиционного климата в стране.

количественные показатели выделенных параметров и их эволюцию, но и при необходимости вписывать полученные данные в более широкий контекст (социодемографические, гендерные и другие характеристики). Отметим также, что при сравнении количественных показателей пяти крупнейших экономик Африки в сфере развития ИКТ, также существует значительное отставание Эфиопии и по данным индикаторам (см. табл. 2).

В ходе работы мы обращались к таким инструментам как *ITU DataHub*, *Global Digital Report*, *Speedtest Global Index u Research ICT Africa Mobile Pricing (RAMP)*. Отдельный интерес для нас представляли доклады и исследования аналитического центра *Research ICT Africa*, специализирующегося на изучении различных аспектов развития цифровых технологий в Африке, и глобальной ассоциации *GSMA (Global System*

Таблица 2 / Table 2

Некоторые количественные индикаторы развития ИКТ в пяти крупнейших экономиках Африки в 2022 году*

Some Quantitative Indicators of ICT Development in the Five Largest African Economies in 2022

	ЮАР / South Africa	Египет / Egypt	Алжир / Algeria	Нигерия / Nigeria	Эфиопия / Ethiopia
Группа TII (Индекс телекоммуникационной инфраструктуры) / TII Group (Telecommunication Infrastructure Index)	высокий TII	высокий TII	высокий TII	средний TII	низкий TII
TII	0,685	0,5579	0,6133	0,3886	0,1501
Количество абонентов мобильной сотовой связи на 100 жителей / Number of Mobile Cellular Subscribers per 100 Inhabitants	120	93,18	103,89	99,07	38,71
Процент Интернет-пользователей среди населения страны / Percentage of Internet Users among the Country's Population	70	71,91	62,9	35,5	24
Количество абонентов фиксированного (проводного) широкополосного доступа на 100 жителей / Number of Fixed (Wired) Broadband Subscribers per 100 Inhabitants	2,2	9,14	8,64	0,03	0,18
Количество активных абонентов мобильного широкополосного доступа на 100 жителей / Number of Active Mobile Broadband Subscribers per 100 Inhabitants	110,65	64,76	90,63	41,69	20,01

* Составлена на основе: Исследование ООН: Электронное правительство 2022. Будущее цифрового правительства // Организация Объединенных наций. Нью-Йорк: 2022. URL: https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2023-01/UN%20E-Government%20Survey%202022%20-%20Russian%20Web%20Version.pdf (дата обращения: 05.06.2025).

for Mobile Communications Association), которая занимается развитием мобильных технологий и стандартов. Также привлекались данные сайтов регулирующей инстанции Управление коммуникаций Эфиопии (*Ethiopian Communications Authority, ECA*), операторов мобильной связи *Ethio Telecom* и *Safaricom Ethiopia*.

В последние несколько лет Эфиопия переживала стремительный рост проникновения интернета и медиакоммуникационной инфраструктуры на территории страны. Так, доступ к интернету составлял 3 % в 2012 г.[14], а в 2022 г. он увеличился до 24 %. В 2012 г. в стране обслуживалось 20,5 млн сим-карт мобильных телефонов, в 2022 г. — 69,1 млн[15]. Основное устройство для выхода в сеть в Эфиопии — мобильный телефон. Услугами фиксированного широкополосного доступа в интернет пользуются менее 1 % населения. Зона покрытия мобильной сети значительно увеличилась, более 98 % населения имеют доступ к сетям 3G. Проникновение высокоскоростных сетей 4G все еще низкое (33 % населения в 2023 г.).

Важным шагом стало принятие в 2019 г. Закона о телекоммуникациях и создание независимого регулятора сектора Управления коммуникаций Эфиопии. В 2021 г. лицензию получил кенийский оператор мобильной связи *Safaricom*, что нарушило многолетнюю монополию госкорпорация *Ethiopian Telecommunications Corporation*. Согласно *RAMP Index* в 2023 г. самый дешевый тариф за 1 ГБ данных у *Ethio Telecom* составлял 1,09 долл. США, а у *Safaricom Ethiopia* — 0,90 долл. США[16]. Несмотря на значительный прогресс доступ к интернету все еще остается одним из самых низких на континенте — интернетом в настоящее время охвачено около 25 % населения страны. Согласно изученным нами данным, уровень образования, уровень дохода, а также фактор гендерного характера влияют на доступ граждан к интернету и ИКТ. Женщины и жители сельской местности являются наиболее маргинализированными слоями населения в вопросах полноценного доступа.

По экспертным оценкам, развитие сектора телекоммуникаций тормозит низкое качество интернет-соединения и низкая скорость интернет-доступа. В апреле 2025 г. скорость скачивания и загрузки широкополосного интернета фиксировала 11,64 и 12,94 Мбит/с при общемировых показателях в 101,37

[14] Здесь и далее статистические данные (если не указано иное) приводятся по двум аналитическим исследованиям: Adam L, E Alemneh, Omar N and Partridge A (2024) African After Access 2023 Ethiopia, Post the Pandemic Policy Paper Series, Policy Paper 3, Research ICT Africa, Cape Town. Режим доступа: https://researchictafrica.net/research/internet-development-in-ethiopia-high-level-findings-from-the-after-access-survey/ и Driving Digital Transformation of the Economy in Ethiopia. Opportunities, policy reforms and the role of mobile // GSMA. URL: https://www.gsma.com/about-us/regions/sub-saharan-africa/wp-content/uploads/2024/10/GSMA_Ethiopia-Report_Oct-2024_v2.pdf , а также ресурсу DataHub // ITU. URL: https://datahub.itu.int/data/?e=ETH (дата обращения: 05.06.2025).

[15] Отдельно отметим, что по итогам 2024 года в массмедиа появилась информация о значительном прогрессе по ряду изучаемых параметров. Число абонентов сотовой связи возросло до более 85 млн, однако лишь чуть более 40 млн из них пользуются услугами мобильного интернета (что может говорить о росте проникновения интернета до 32%). Но эти данные еще не нашли отражение в международных базах данных, к которым мы обращались в ходе исследования. См., например: Ethiopia's internet users surpasses 41 mln // Xinhua. 2023. March 23. URL: https://english.news.cn/20240328/36c392b8d9744838b85c68358a4272bf/c.html (дата обращения: 05.06.2025).

[16] RAMP Index аналитического центра Research ICT Africa позволяет оценить эволюцию стоимости услуг мобильной телефонии и интернета в странах Африки. Данные публикуются ежеквартально с 2011 года. См., Research ICT Africa Mobile Pricing (RAMP) // Research ICT Africa. URL: https://researchictafrica.net/data/mobile-pricing-ramp/ (дата обращения: 05.06.2025).

и 57,39 Мбит/с соответственно[17]. Провайдеры мобильной связи связывают это с плохим качеством или недостаточным развитием электрических сетей. Отдельно можно отметить высокую стоимость смартфонов (основное устройство для выхода в сеть), что делает их недоступными для четверти населения с доходом менее 2,15 долл. в день.

Цифровое неравенство второго уровня в Эфиопии: цифровая грамотность и включенность пользователей

Поскольку проблема цифрового неравенства первого уровня в Эфиопии еще далека от преодоления несмотря на прогресс последних лет, очевидно, что цифровой раскол второго уровня является не менее острой проблемой. В международных системах классификации (*Digital Index (DiGiX, BBVA)*[18], *World Digital Competitiveness Ranking (WDC, IMD)*[19], *Global Innovation Index (GII, WIPO)*[20] и др.), измеряющих уровень развития цифровизации в странах и регионах мира, в том числе цифровой грамотности, по специальным индикаторам (субиндексам), Эфиопия рассматривается крайне редко либо занимает последние места в рейтингах. Национального индекса цифровой грамотности в стране не существует. Поэтому, для того чтобы пояснить специфику данного вопроса на современном этапе, мы обратились к немногочисленным аналитическим докладам и исследованиям, которые посвящены, во-первых, изучению причин, почему эфиопы не пользуются интернетом, и, во-вторых, изучению актуальных практик использования интернета в стране.

Согласно *African After Access 2023 Ethiopia*, в 2022 г. было обозначено несколько критических препятствий, мешающих широкому использованию цифровых технологий: низкий уровень осведомленности и цифровой грамотности (25 % эфиопов не знают, что такое интернет, 30 % — как им пользоваться) и ценовая доступность (см. рис. 1). В аналитических отчетах *GSMA*, охватывающих период 2022–2023 гг., к ключевым проблемам пользователей были отнесены ценовая доступность, цифровая грамотность и навыки (42 и 36 % соответственно). Таким образом, главными барьерами доступа выступают уровень образования (в том числе цифровые компетенции) и дохода.

В 2022 г. регулярно использующие интернет эфиопы делали это в первую очередь для общения в социальных сетях и потребления развлекательного контента (см. рис 2). Лишь небольшой процент людей пользовался услугами онлайн-банкинга и цифровыми платформами для работы. Аналогичная тенденция наблюдается и в сфере использования государственных онлайн-услуг: только 27 % пользователей (усредненный показатель) интернета обращаются к электронным госуслугам с помощью сети, это — около 4 % взрослого населения. При этом, как уже было указано, значительную роль играют гендерная принадлежность и место жительства респондентов (30 % мужчин и 21 % женщин, 34 % городских жителей и лишь 7 %

[17] Median Country Speeds Updated April 2025 // Speedtest Global Index. URL: https://www.speedtest.net/global-index и Ethiopia Median Country Speeds Updated April 2025 // Speedtest Global Index. URL: https://www.speedtest.net/global-index/ethiopia#fixed (дата обращения: 05.06.2025).

[18] Cabirta, Ana. Which countries are the most digitally advanced? // BBVA. 2019. April 10. URL: https://www.bbva.com/en/innovation/which-countries-are-the-most-digitally-advanced/ (дата обращения: 05.06.2025).

[19] 2024 IMD World Digital Competitiveness Ranking (WDCR) // IMD's World Competitiveness Center (WCC). URL: https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness-ranking/ (дата обращения: 05.06.2025).

[20] Global Innovation Index by Country 2025 // World Poopulation Review. URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/global-innovation-index-by-country (дата обращения: 05.06.2025).

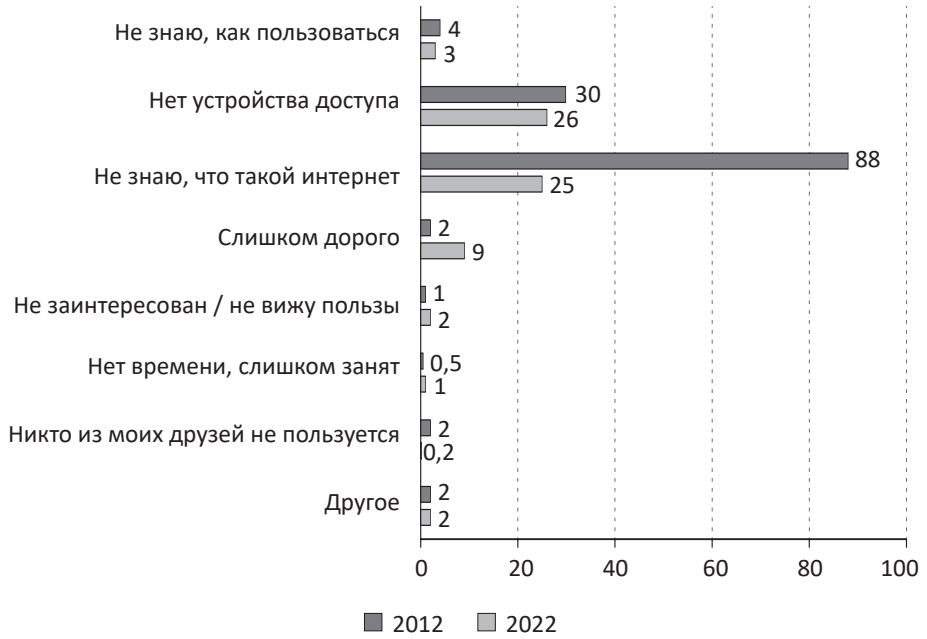

Рис. 1. Основные барьеры для доступа в Интернет в Эфиопии, 2012 и 2022 гг., %
Fig. 1. Main Barriers to Internet Access in Ethiopia, 2012 and 2022, %

жителей сельской местности). В значительной степени данная тенденция носит универсальный характер и свойственна не только Эфиопии, но и другим регионам мира, включая Россию. Как показали более ранние исследования, фактор географического характера оказывает существенное влияние на специфику использования интернета и онлайн-сервисов [13; 17], что позволяет говорить о глобальном характере данной проблемы.

Отметим также, что в исследованиях *Research ICT Africa* прослеживается зависимость практик использования интернет-соединения и их интенсивности и разнообразия от уровня образования пользователей (см. рис. 3). Чем он выше, тем более активным интернет-пользователем являются эфиопы. Особенно ярко такая зависимость выражена в сфере использования онлайн-банкинга, образовательных онлайн-платформ и государственных услуг.

Отдельно следует обратить внимание на то, что в Эфиопии в ходе реализации стратегии цифровой трансформации осуществляется масштабная реформа системы образования, направленная на повышение уровня грамотности населения, включая развитие цифровых навыков и компетенций, которая сопровождается расширением системы подготовки кадров, ростом числа государственных и частных учреждений в сфере высшего и среднего специального образования, созданием и модернизацией соответствующей инфраструктуры. В таких проектах партнерами правительства часто выступают международные организации, частные национальные и зарубежные инвесторы. С учетом актуальной возрастной структуры населения[21] это может внести большой вклад в решение проблемы цифрового неравенства в стране.

[21] World Population Dashboard. Ethiopia — Overview // United Nations Population Fund. URL: https://www.unfpa.org/data/world-population/ET (дата обращения: 05.06.2025).

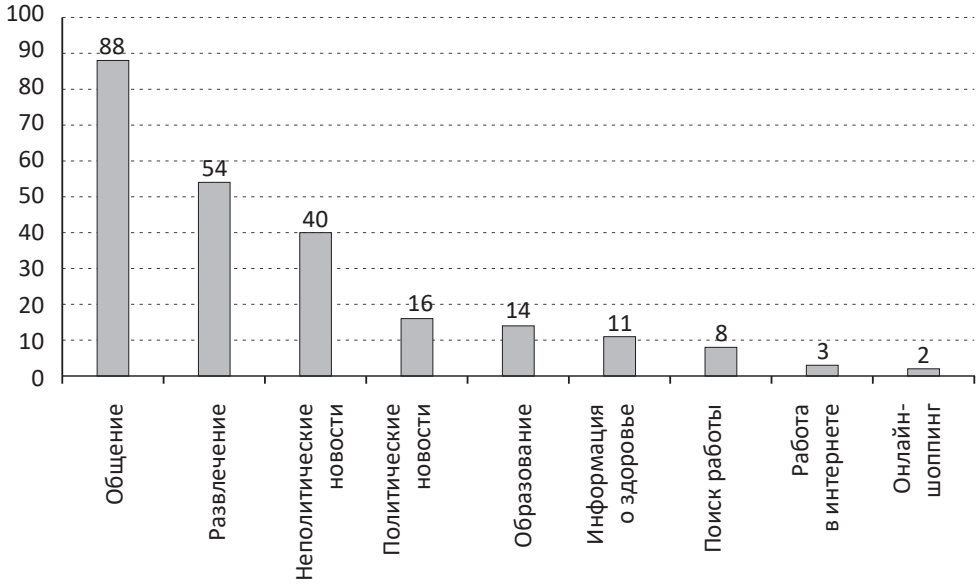

Рис. 2. Основные цели использования социальных медиа в Эфиопии в 2022 году, %

Fig. 2. Main Purposes of Social Media Use in Ethiopia in 2022, %

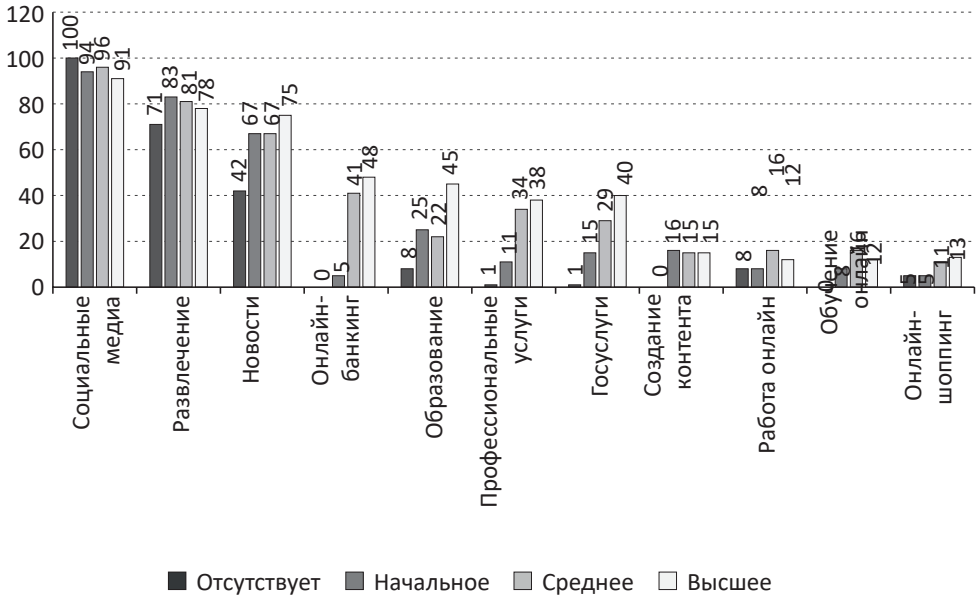

Рис. 3. Основные цели использования Интернета в Эфиопии в зависимости от уровня образования в 2022 году, %

Fig. 3. Main Purposes of Internet Use in Ethiopia by Education Level in 2022, %

Цифровое неравенство третьего уровня в Эфиопии: преимущества от использования интернета и ИКТ

В Эфиопии в рамках реализации стратегии цифровой трансформации осуществляется значительное количество проектов, связанных с цифровизацией деятельности, а также направленных на сокращение дефицита цифровых компетенций у разных слоев населения, — от системы госуправления и финансового сектора до системы образования и сельского хозяйства.

Как поворотный момент в этом направлении можно рассматривать начало 2000-х гг., когда правительство впервые заявило о готовности внедрять преимущества интернета для национального развития[22]. Одними из первых проектов стали *WoredaNet* и *SchoolNet*. С помощью *SchoolNet* появилась возможность транслировать на экранах телевизоров записи уроков по разным предметам в средних школах по всей стране. Платформа *WoredaNet*[23] соединила в единую сеть регионы и федеральное правительство. Позже на их базе были созданы и новые инициативы, например, *TeleCourt*.

В последние годы правительство Эфиопии приложило значительные усилия для продвижения электронных государственных услуг среди населения. Были разработаны две пятилетние стратегии электронного правительства, предусматривающих создание сотен электронных услуг — одна охватывала период 2011–2015 гг., вторая — 2016 —2020 гг.[24]. Правительство инвестировало в несколько крупных проектов по модернизации инфраструктуры и ИКТ-услуг. Среди них — дальнейшее развитие сетей *WoredaNet*, *SchoolNet* и *EthERNet*; создание дата-центра; портала электронных госуслуг; и множества секторальных информационных систем, прежде всего в сфере здравоохранения, образования, сельского хозяйства и секторе управления государственными финансами.

К наиболее успешным платформам электронного правительства, предназначенным для взаимодействия граждан с органами власти, в настоящее время относится Портал государственных электронных услуг Эфиопии (*Ethiopian Government Electronic Services Portal*), созданный в 2012 г. (при финансовой поддержке *World Bank*), начинал с предоставления 49 электронных услуг. В текущее время происходит активное развитие сайта: в марте 2025 г. предлагался доступ к 374 электронным услугам и сервисам 25 государственных учреждений, а спустя три месяца (июнь 2025 г.) — уже к 813 услугам от 43 организаций. В данный момент на портале зарегистрировано 141 тыс. личных кабинетов пользователей, жители получили почти 592,5 тыс. электронных услуг, общее число пользователей — более 3 млн 100 тыс. чел. Сайт функционирует на амхарском и английском языках.[25]

Услуги на портале можно отсортировать по популярности, релевантности, по дате, по сезонности. По каждой услуге представлена краткая информация с описанием предоставляемой услуги, указанием ответственного за ее предоставление государственное учреждение. Например, «Продление регистрации и сертификации компании» осуществляет Строительное управление Эфиопии. К наиболее популярным услугам относятся следующие: «Регистрация действующих государствен-

[22] The Evolution of the Internet in Ethiopia and Rwanda: Towards a "Developmental" // Stability: International Journal of Security & Development. 2016. Vol. 5, Iss. 1. P. 1-24.

[23] WoredaNet означает «сеть районных (вореда) администраций».

[24] Например, в 2013 году была поставлена амбициозная цель по внедрению 219 различных электронных услуг в течение 5 леТ. См.: Executive Summary of the E-Government Strategy 2013. P.1. URL: https://unctad.org/system/files/non-official-document/CSTD_2013_WSIS_Ethiopia_E-Gov_Strategy.pdf (дата обращения: 05.06.2025).

[25] Ethiopian Government Electronic Services. URL: https://www.eservices.gov.et/ (дата обращения: 05.03.2025, 05.06.2025).

ных служащих в службах социального обеспечения», «Выдача дипломатического удостоверения личности», «Выдача сопроводительного письма на отправку кофе»[26], а также регистрация, продление или обновление (профессиональной) лицензии, продление регистрации и сертификации компаний и другие.

Согласно исследованию развития электронного правительства ООН за 2024 г. (см. табл. 3 и 4), Эфиопия находится на 169 месте (плюс 10 позиций по сравнению с 2022 г.) с индексом *EGDI* (индекс развития электронного правительства) в 0,3111 (средний по миру — 0,6382)[27]. В то же время отметим, что индекс зрелости *GovTech* 2022[28] у Эфиопии — 0,58; что позволяет ее отнести к группе B (страны со значительным фокусом на развитие *GovTech*). В целом можно отметить, что по уровню развития электронного правительства Эфиопия находится на последней строчке среди крупнейших экономик региона. Этот индекс складывается из нескольких компонентов — индекса онлайн-услуг (у Эфиопии *OSI* составляет 0,3420), индекса телекоммуникационной структуры (*TII* = 0,2659) и индекса человеческого капитала (*HCI* = 0,3254).

[26] Кофе — товар №1 для экспорта Эфиопии. Неслучайно, что услуги, напрямую или косвенно связанные с кофе, относятся к самым популярным.

[27] Исследование ООН: Электронное правительство 2024. Ускорение цифровой трансформации для устойчивого развития // Организация Объединенных наций. Нью-Йорк: 2024. С. 92. URL: https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2025-01/E-Government%20Survey%202024%20RUS-compressed.pdf (дата обращения: 05.06.2025).

[28] Индекс зрелости GovTech от Всемирного банка демонстрирует степень внедрения цифровых технологий в сфере госуслуг, налоговой и бюджетной сферах, в образовании и здравоохранении. См.: GovTech Maturity Index (GTMI) Data Dashboard // World Bank Group. URL: https://www.worldbank.org/en/data/interactive/2022/10/21/govtech-maturity-index-gtmi-data-dashboard (дата обращения: 05.06.2025).

Таблица 3 / Table 3

Индекс развития электронного правительства (EGDI) в 2024 г. по странам*

E-Government Development Index (EGDI) in 2024 by Country

	ЮАР / South Africa	Египет / Egypt	Алжир / Algeria	Нигерия / Nigeria	Эфиопия / Ethiopia
Группа EGDI / EGDI Group	Очень высокий EGDI[1*]	Высокий EGDI	Очень высокий EGDI	Средний EGDI	Средний EGDI
Рейтинг EGDI 2024 / EGDI Ranking 2024	40	95	116	144	169
Рейтинг EGDI 2022 / EGDI Ranking 2022	65	103	112	140	179
EGDI 2024[2*]	0,8616	0,6699	0,5956	0,4815	0,3111
EGDI 2022	0,7357	0,5895	0,5611	0,4525	0,2865

* Составлена авторами по: Исследование ООН: Электронное правительство 2022. Будущее цифрового правительства и Исследование ООН: Электронное правительство 2024. Ускорение цифровой трансформации для устойчивого развития.

Примечание:

[1*] Лишь две африканские страны — Маврикий и ЮАР — впервые в рейтинге 2024 года присоединились к группе с очень высоким EGDI.

[2*] Рассчитывается из нескольких компонентов (OSI, TII, HCI), которые включают в себя субиндексы.

Таблица 4 / Table 4

Количественные показатели компонентов EGDI в 2024 году

EGDI Component Quantitative Indicators in 2024

	ЮАР / South Africa	Египет / Egypt	Алжир / Algeria	Нигерия / Nigeria	Эфиопия / Ethiopia
OSI (индекс онлайн-услуг) / OSI (Online Services Index)	0,8872	0,7002	0,3320	0,5372	0,3420
TII (индекс телекоммуникационной структуры) / TII (Telecommunication Structure Index)	0,8951	0,6946	0,8129	0,4836	0,2659
HCI (индекс человеческого капитала) / HCI (Human Capital Index)	0,8026	0,6150	0,6418	0,4236	0,3254
EPI (электронное участие) / EPI (Electronic Participation)	0,8356	0,5890	0,0548	0,3699	0,1644
Рейтинг LOSI / LOSI Ranking	59	86	144	152	103
LOSI (индекс местных онлайн-услуг) / LOSI (Local Online Services Index)*	0,6042	0,4271	0,1354	0,0000	0,3333

Примечание:

* Индекс местных онлайн-услуг (LOSI) был введен Департаментом ООН по экономическим и социальным вопросам (UN DESA) в 2018 году для оценки возможностей цифрового правительства городов по всему миру. Сравнительный анализ результатов EGDI и LOSI показывает, что национальные порталы продолжают превосходить городские. См.: Исследование ООН: Электронное правительство 2024. Ускорение цифровой трансформации для устойчивого развития // Организация Объединенных наций. Нью-Йорк: 2024. URL: https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2025-01/E-Government%20Survey%202024%20RUS-compressed.pdf (дата обращения: 05.06.2025).

Кроме рассмотренного сайта государственных услуг в Эфиопии действует еще ряд порталов, предлагающих оформление ряда услуг онлайн. К интересным и важным инициативам относится *National ID Program (NIDP)*, в ходе реализации которой к концу 2025 г. уникальный электронный идентификационный номер (*Digital ID*) получат более 70 млн граждан и резидентов Эфиопии. Этот документ (в цифровом формате или в виде удостоверения личности с QR-кодом) станет основным идентификатором физического лица при получении госуслуг, взаимодействии с банковскими учреждениями и пр. Ожидается, что в течение нескольких лет эта система «цифровых удостоверений» охватит более 100 млн жителей страны, став таким образом одной из крупнейших в мире систем электронной идентификации личности. В начале 2025 года в системе *Fayda* было зарегистрировано почти 7 млн 800 тыс. чел., а в июне 2025 г. — уже более 16 млн 400 тыс. чел.[29]

Разработка *NIDP* осуществлялась в течение нескольких лет, а в 2021–2022 гг. был реализован пилотный проект, в рамках которого после сбора биометрических данных и демографической информации житель страны — участник проекта получил уникальный идентификационный номер в системе *Fayda (Fayda Digital ID Number*, *Fayd*а с амхар. — ценность, важность). Всего на этом этапе было зарегистрировано около 1,4 млн резидентов и протестировано их взаимодействие с различными сервисными сек-

[29] Fayda for Ethiopia. URL: https://id.et/ (дата обращения: 05.03.2025, 05.06.2025).

торами. *Fayda Digital ID Number* — автономный идентификатор, который усиливает все другие системы идентификации. *NIDP* работает в тесном взаимодействии с основными государственными и коммерческими структурами для полномасштабного внедрения системы на всех уровнях. Так, в сотрудничестве с *National Bank* с банками страны заключены соглашения о привлечении их клиентов к этой системе. С Министерством финансов (*Ministry of Revenue*) был подписан меморандум о взаимопонимании о привлечении всех налогоплательщиков к новой системе на основе существующих ИНН. Отметим, что значительную финансовую помощь проекту оказал Всемирный банк, который, например, в 2024 г. выделил 350 млн долларов[30].

Достаточно активно правительство действует и в сфере цифровой экономики. В 2020 г. была запущена электронная торговая служба, облегчающая процедуру обработки и сокращающая сроки обработки таможенной информации. Как сообщается, корейские компании помогли в разработке некоторых из процедур[31]. На бизнес-портале Эфиопии[32] можно ознакомиться с информацией по интересующим темам и получить конкретные услуги (оформление ИНН, регистрация компании, получение кредита) как гражданам, так и предприятиям, а также государственным и неправительственным организациям. Информационная система в сфере закупок[33] обеспечивает более эффективное и прозрачное взаимодействие правительства с бизнес-сообществом в ходе тендерных мероприятий. Она была запущена в 2021 г., на тот момент в ней участвовало девять государственных учреждений, в 2023 г. их число увеличилось до 74[34]. Рост в первой половине 2025 г. не столь существенный: в июне 2025 г. на сайте было представлено более 26 тыС. зарегистрированных поставщиков (по сравнению с 25 тыС. в марте 2025 г.), из которых 391 (ранее — 346) — из других стран.

Как можно убедиться, в последние годы правительство Эфиопии взяло курс на цифровизацию многих услуг в стране. Однако ввиду низкого доступа к интернету и ИКТ среди населения (25 %) говорить об успехе и массовом характере данных инициатив преждевременно.

Выводы

Исследование показало, что в последние годы Эфиопия активно пытается выстроить цифровое общество, преодолеть цифровое неравенство, однако, как показывает практика, сделать это с привлечением исключительно национальных ресурсов чрезвычайно затруднительно. В связи с этим правительство страны активно привлекает как финансовую, так и техническую помощь от зарубежных партнеров — ООН, Всемирный банк, ЕС, КНР, Южной Кореи и их компаний. Несмотря на инициативы правительства Эфиопии по развитию в стра-

[30] The Transformative Power of Ethiopia's Digital ID: Unlocking a better future for all // World Bank Group. 2025. February 25. URL: https://www.worldbank.org/en/news/feature/2025/02/27/the-transformative-power-of-ethiopia-afe-digital-id-unlocking-a-better-future-for-all (дата обращения: 05.06.2025).

[31] Ethiopia launches electronic customs processing platform for traders // New Business Ethiopia. 2020. January 5. URL: https://newbusinessethiopia.com/trade/ethiopia-launches-electronic-customs-processing-platform-for-traders/ (дата обращения: 05.06.2025).

[32] Ethiopian Business Portal. URL: https://www.business.gov.et/business/home (дата обращения: 05.06.2025).

[33] Electronic Government Procurement. URL: https://production.egp.gov.et/egp/home (дата обращения: 05.06.2025).

[34] Ethiopia: Go digital or no procurement next year: authority warns federal agencies // Public Sector Global. 2023. May 2. URL: https://publicsectormag.net/2023/05/02/ethiopia-go-digital-or-no-procurement-next-year-authority-warns-federal-agencies/ (дата обращения: 05.06.2025).

не цифровой экономики, образования и торговли, на данный момент можно констатировать серьезное отставание страны от общемировых показателей во всех сферах: 130 место из 133 *GII* (*Global Innovation Index 2024*), 126 место из 152 в рейтинге индекса электронной коммерции (*UNCTAD B2C E-commerce Index Rank 2024*)[35], 169 место в рейтинге развития электронных правительств ООН и т.д.

Заключение

Цифровое неравенство во многих странах африканского континента, как это видно на примере Эфиопии, может иметь более сложную природу, чем во многих других странах и регионах мира, и зависеть от факторов самого разного характера, дополняя и зачастую усугубляя другие существующие разрывы. Цифровое неравенство является острой проблемой для многих стран региона: несовершенство законодательного регулирования сферы ИКТ, слабая развитость инфраструктуры, низкая цифровая грамотность населения и другие факторы затрудняют развитие цифрового общества. Усугубляет ситуацию и нерешенность традиционных для региона вопросов — в их числе бедность, низкая грамотность, языковая и этническая раздробленность. В то же время цифровизация в Африке обладает большим потенциалом для повышения уровня жизни населения и развития цифровой экономики.

Мы можем отметить одновременное преодоление всех трех уровней цифрового неравенства в Эфиопии (при условии их сильной взаимосвязи и взаимозависимости), что, с одной стороны, может способствовать преодолению цифровых разрывов и созданию преимуществ в разных сферах жизни, социальной справедливости, экономическому росту, и, с другой стороны, может усугублять цифровой раскол в обществе, лишая беднейшие и наиболее незащищенные слои населения преимуществ цифровой среды.

В ходе исследования был сделан также вывод о том, что имеющиеся в открытом доступе данные часто имеют неполный и фрагментарный характер, что в определенной степени затрудняет оценку актуального состояния трех уровнях цифрового неравенства в Эфиопии. Данный факт усиливает необходимость в эмпирических исследованиях в странах африканского континента со сбором и интерпретацией первичных данных, что, в свою очередь, может быть осложнено специфическим контекстом борьбы с цифровым расколом в регионе. Авторы надеются, что данная работа будет способствовать дальнейшей дискуссии и изучению затронутых в статье вопросов.

[35] The Prosperity Data360 platform // World Bank Group. URL: https://prosperitydata360.worldbank.org/en/indicator/UNCTAD+B2C+RANK (дата обращения: 05.06.2025).

Список использованной литературы

1. African Language Digital Media and Communication / ed. A. Salawu. — New York : Routledge, 2019. — 236 p.

2. Ethnic Journalism in the Global South / eds. A. Gladkova, S. Jamil. — London : Palgrave Macmillan, 2021. — 332 p.

3. Routledge Companion to Journalism in the Global South / eds. B. Mutsvairo, S. Bebawi, E. Borges-Rey. — New York : Routledge, 2023. — 516 p.

4. Gladkova A. Ethnic Journalism: Theoretical Approaches for Potential Global Collaboration / A. Gladkova, E. Vartanova // Routledge Companion to Journalism in the Global South / eds. B. Mutsvairo, S. Bebawi, E. Borges-Rey. — New York : Routledge, 2023. — P. 300–309.

5. Asfaha Y.M. Multilingual Language Policy Discourses and Superdiversity at the Peripheries: Exploring Language Policy and Practice in Eritrea / Y.M. Asfaha. — DOI 10.1080/17447143.2020.1771346 // Journal of Multicultural Discourses. — 2020. — Vol. 15(4). — P. 404–421.

6. African Language Media: Development, Economics and Management / ed. A. Salawu. — New York : Routledge, 2021. — 293 p.

7. Fuchs C. Africa and the Digital Divide / C. Fuchs, E. Horak. — DOI 10.1016/j.tele.2006.06.004 // Telematics and Informatics. — 2008. — Vol. 25. — P. 99–116.

8. Norris P. Digital Divide Civic Engagement, Information Poverty and the Internet Worldwide / P. Norris. — New York : Cambridge University Press, 2001. — 303 p.

9. Attewell P. Comment: The First and Second Digital Divides / P. Attewell. — DOI 10.2307/2673277 // Sociology of Education. — 2001. — Vol. 74, no. 3. — P. 252–259.

10. Вартанова Е.Л. К вопросу о последствиях цифровой трансформации медиасреды / Е.Л. Вартанова. — DOI 10.30547/mediaalmanah.2.2022.814 // МедиаАльманах. —2022. — № 2. — С. 8–14.

11. Servaes J. Towards a Sustainable Information Society: Deconstructing WSIS / J. Servaes, N. Carpentier. — Bristol : Intellect, 2006. — 215 p.

12. The Digital Divide: The Internet and Social Inequality in International Perspective / eds. M. Ragnedda, G.W. Muschert. — New York : Routledge, 2013. — 344 p.

13. Ragnedda M. The Three Levels of Digital Divide in East EU Countries / M. Ragnedda, H. Kreitem. — DOI 10.30547/worldofmedia.4.2018.1 // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. — 2018. — Vol. 4. — P. 5–27.

14. Nieminen H. Digital Divide and Beyond: What Do We Know of Information and Communications Technology's Long-Term Social Effects? Some Uncomfortable Questions / H. Nieminen. — DOI 10.1177/0267323115614198 // European Journal of Communication. — 2016. — Vol. 31(1). — P. 19–32.

15. Rainie L. The Digital Divides 2016 / L. Rainie // Pew Research Center. — URL: http://www.pewinternet.org/2016/07/14/digital-divides-2016/.

16. Theorizing Russian Model of the Digital Divide / E. Vartanova, A. Gladkova, D. Lapin [et al.] // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. — 2021. — Vol. 1. — P. 5–40.

17. Vartanova E. Digital Divide and the Changing Political and Media Environment of Post-Socialist Europe / E. Vartanova // Gazette. — 2002. — Vol. 5 (64). — P. 449–465.

18. Carmi E. Digital Inclusion and Data Literacy / E. Carmi, S.J. Yates. — DOI 10.14763/2020.2.1474 // Internet Policy Review. — 2020. — Vol. 9, iss. 2. — P. 1–14.

19. Ragnedda M. Conceptualizing Digital Capital / M. Ragnedda. — DOI 10.1016/j.tele.2018.10.006 // Telematics and Informatics. — 2018. — Vol. 35. — P. 2366–2375.

20. Van Deursen A. The Third-Level Digital Divide: Who Benefits Most From Being Online? / A. Van Deursen, E. Helsper // Communication and Information Technologies Annual. Studies in Media and Communications / eds. L. Robinson, S.R. Cotten, J. Schulz [et al.]. — Emerald Group Publishing Limited, 2015. — Vol. 10. — P. 29–52.

21. Гладкова А.А. Модель трех уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения (на примере исследования Республики Татарстан) / А.А. Гладкова, В.З. Гарифуллин, М. Рагнедда. — DOI 10.30547/vestnik.journ.4.2019.4172. — EDN GZLUXO // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2019. — № 4. — С. 41–72.

22. Ragnedda M. New Digital Inequalities. Algorithms Divide / M. Ragnedda // Ragnedda M. Enhancing Digital Equity: Connecting the Digital Underclass / M. Ragnedda. — Palgrave Macmillan, 2020. — P. 61–83.

23. Gran A-B. To Be or Not to Be Algorithm Aware: A Question of a New Digital Divide? / A-B. Gran, P. Booth, T. Bucher. — DOI 10.1080/1369118X.2020.1736124 // Information, Communication & Society. — 2021. — Vol. 12 (24). — P. 1779–1796.

References

1. Salawu A. (ed.). *African Language Digital Media and Communication*. New York, Routledge, 2019. 236 p.

2. Gladkova A., Jamil S. (eds.). *Ethnic Journalism in the Global South*. London, Palgrave Macmillan, 2021. 332 p.

3. Mutsvairo B., Bebawi S., Borges-Rey E. (eds.). *Routledge Companion to Journalism in the Global South*. New York, Routledge, 2023. 516 p.

4. Gladkova A., Vartanova E. Ethnic Journalism: Theoretical Approaches for Potential Global Collaboration. In B. Mutsvairo, S. Bebawi, E. Borges-Rey (eds.). *Routledge Companion to Journalism in the Global South*. New York, Routledge, 2023, pp. 300–309.

5. Asfaha Y.M. Multilingual Language Policy Discourses and Superdiversity at the Peripheries: Exploring Language Policy and Practice in Eritrea. *Journal of Multicultural Discourses*, 2020, vol. 15(4), pp. 404–421. DOI: 10.1080/17447143.2020.1771346.

6. Salawu A. (ed.). *African Language Media: Development, Economics and Management*. New York, Routledge, 2021. 293 p.

7. Fuchs C., Horak E. Africa and the Digital Divide. *Telematics and Informatics*, 2008, vol. 25, pp. 99–116.

8. Norris P. *Digital Divide Civic Engagement, Information Poverty and the Internet Worldwide*. New York, Cambridge University Press, 2001. 303 p.

9. Attewell P. Comment: The First and Second Digital Divides. *Sociology of Education*, 2001, vol. 74, no. 3, pp. 252–259. DOI: 10.2307/2673277.

10. Vartanova E.L. On the Issue of the Consequences of the Digital Transformation of the Media Environmen. *MediaAl'manakh = MediaAlmanah Journal*, 2022, no. 2, pp. 8–14. (In Russian). DOI: 10.30547/mediaalmanah.2.2022.814.

11. Servaes J., Carpentier N. *Towards a Sustainable Information Society: Deconstructing WSIS*. Bristol, Intellect, 2006. 215 p.

12. Ragnedda M., Muschert G.W. (eds.). *The Digital Divide: The Internet and Social Inequality in International Perspective*. New York, Routledge, 2013. 344 p.

13. Ragnedda M., Kreitem H. The Three Levels of Digital Divide in East EU Countries. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, 2018, vol. 4, pp. 5–27. DOI: 10.30547/worldofmedia.4.201.

14. Nieminen H. Digital Divide and Beyond: What Do We Know of Information and Communications Technology's Long-Term Social Effects? Some Uncomfortable Questions. *European Journal of Communication*, 2016, vol. 31(1), pp. 19–32. DOI: 10.1177/0267323115614198.

15. Rainie L. The Digital Divides 2016. *Pew Research Center*. Available at: http://www.pewinternet.org/2016/07/14/digital-divides-2016/.

16. Vartanova E., Gladkova A., Lapin D., Samorodova E., Vikhrova O. Theorizing Russian Model of the Digital Divide. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, 2021, vol. 1, pp. 5–40.

17. Vartanova E. Digital Divide and the Changing Political and Media Environment of Post-Socialist Europe. *Gazette*, 2002, vol. 5 (64), pp. 449–465.

18. Carmi E., Yates S.J. Digital Inclusion and Data Literacy. *Internet Policy Review*, 2020, vol. 9, iss. 2, pp. 1–14. DOI: 10.14763/2020.2.1474.

19. Ragnedda M. Conceptualizing Digital Capital. *Telematics and Informatics*, 2018, vol. 35, pp. 2366–2375. DOI: 10.1016/j.tele.2018.10.006.

20. Van Deursen A., Helsper E. The Third-Level Digital Divide: Who Benefits Most From Being Online? In Robinson L., Cotton S.R., Schulz J., Hale T.M., Williams A. (eds.). *Communication and Information Technologies Annual. Studies in Media and Communications*. Emerald Group Publishing Limited, 2015, vol. 10, pp. 29–52.

21. Gladkova A.A., Garifullin V.Z., Ragnedda M. Model of Three Levels of the Digital Divide: Current Advantages and Limitations (As Exemplified by the Republic of Tatarstan). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika = Moscow University Journalism Bulletin*, 2019, no. 4, pp. 41–72. (In Russian). EDN: GZLUXO. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2019.4172.

22. Ragnedda M. New Digital Inequalities. Algorithms Divide. In Ragnedda M. *Enhancing Digital Equity: Connecting the Digital Underclass*. Palgrave Macmillan, 2020. Pp. 61–83.

23. Gran A-B., Booth P., Bucher T. To Be or Not to Be Algorithm Aware: A Question of a New Digital Divide? *Information, Communication & Society*, 2021, vol. 12, pp. 1779–1796.

Информация об авторах

Гладкова Анна Александровна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, кафедра теории и экономики СМИ, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, gladkova_a@list.ru, https://orcid.org/0000-0001-7102-6425, SPIN-код: 7005-5069, Scopus Author ID: 56188242400, ResearcherID: H-6460-2014.

Захарова Милана Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной журналистики и литературы, факультет журналистики, Московский государственный

университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, milana.z@mail.ru, https://orcid.org/0009-0008-1758-2920, SPIN-код: 1524-4301.

Киселева Екатерина Борисовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра зарубежной журналистики и литературы, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, kiselevaekb@mail.ru, https://orcid.org/0009-0004-5575-8916, SPIN-код: 8449-2065.

Authors Information

Anna A. Gladkova — PhD in Philology, Leading Researcher, Department of Media Theory and Economics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, gladkova_a@list.ru, https://orcid.org/0000-0001-7102-6425, SPIN-Code: 7005-5069, Scopus Author ID: 56188242400, ResearcherID: H-6460-2014.

Milana V. Zakharova — PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, milana.z@mail.ru, https://orcid.org/0009-0008-1758-2920, SPIN-Code: 1524-4301.

Ekaterina B. Kiseleva — PhD in Philology, Senior Lecturer, Department of Foreign Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, kiselevaekb@mail.ru, https://orcid.org/0009-0004-5575-8916, SPIN-Code: 8449-2065.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.